

S. E. R y b a k o v. On the Methodology of studying ethnic phenomena

The article examines the state of modern theoretical ethnography (ethnology) at home and formulates basic methodological problems faced by students of ethnic phenomena. An anthropological approach to studying the phenomena of *ethnicity*, *ethnos* and *nation* is suggested as one of the possible ways to overcome the difficulties that arise. The approach is based on the recognition that within the composition of a personality there exist some objectively conditioned individual ethnic structures. Accordingly, ethnicity is regarded to be an essential personal characteristic of a complex unconscious-conscious nature that can be adequately studied and scientifically modeled with the help of the tools of philosophical anthropology only. In its turn, *ethnos* can be described as a social-cultural result of self-projection of the individual ethnic structures from within, and *nation* – as a process that makes a state's population homogeneous and unifies its identity through correcting the individual ethnicity from without.

© 2000 г., ЭО, № 5

А.А. Никишенков

**ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ/КУЛЬТУРНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ¹**

Идея приложимости антропологического (этнологического) знания, его полезности в общественно-политической практике родилась вместе с конституированием этой науки в качестве особой дисциплины во второй половине XIX в. Установки на «универсальность охвата практической деятельности научным знанием», причем «не только в сфере производства, но и в сфере общественных отношений (политических, моральных и т.д.)», берут начало в позитивистском учении о науке, восходящем к трудам О. Конта². Как известно, антропология формировалась преимущественно на основе позитивистских мировоззренческих постулатов, и поэтому ее практическая польза была для многих основоположников науки самоочевидна. В частности, признанный отец-основатель британской социальной антропологии Э. Тайлор закончил свой вышедший в 1871 г. труд «Первобытная культура» лозунгом: «Наука о культуре по своей сути является наукой реформаторов»³.

За полтора века существования научной дисциплины мировоззренческие основания ее многократно менялись, и вместе с ними менялось отношение к прикладным исследованиям – от признания самоочевидной необходимости последних до полного отрицания их эффективности и даже утверждений об их бесполезности и аморальности.

Настоящая статья не претендует на детальное изучение истории прикладных исследований во всех дисциплинах этнолого-антропологического цикла Западной Европы и Северной Америки. Ее цель – проследить изменение отношения к прикладным исследованиям на протяжении всей истории данной науки, причем за основу взята деятельность американских и британских антропологов, ибо именно у них по ряду причин интерес к прикладным исследованиям всегда был особенно высок. Кроме того, британская и американская традиции всегда были особенно влиятельны в мировой этнологической науке и это влияние постоянно возрастало, так что в разработке рассматриваемой проблемы британские, а позже американские антропологи задавали тон. В статье также привлекается материал по истории французской, бельгийской, голландской, итальянской этнологии и наук других стран. При этом надо учесть, что на протяжении XX в. национальные границы в науке Запада делались все более и более условными. Очень многие антропологи из разных стран так или иначе связаны с академическими учреждениями в США, так как ни одна из стран не может сравниться

с ними по числу антропологических учреждений и фондов, финансирующих антропологические исследования.

В настоящей статье автор поставил перед собой цель дать лишь набросок, схему эволюции отношения к прикладным исследованиям, выделив не без условности ряд этапов, связанных с глубокими теоретико-методологическими и мировоззренческими сдвигами в сознании и деятельности западных антропологов, происходившими в XX в. и так или иначе затронувшими большинство из них.

В стремлении к позитивистскому идеалу науки (20–60-е годы XX в.)

Прикладная, или практическая, антропология начала складываться в качестве особой сферы деятельности с относительно самостоятельным статусом в 20-х годах нашего века главным образом в Великобритании и США. Ее преимущественным объектом в тот период стали колониально зависимые народы, североамериканские индейцы, а также народы, оказавшиеся в «сфере жизненных интересов» ведущих индустриальных держав.

В британской социальной антропологии прикладные исследования были инициированы Б.К. Малиновским и А.Р. Рэдклифф-Брауном. Малиновский был убежден, что социальная антропология – такая же естественная наука, как физика или химия⁴, и поэтому практическое применение ее теории считал аналогичным использованию физических или химических законов на производстве. Именно в этом смысле он утверждал: «... если теория истинна, то она одновременно является и прикладной»⁵.

Рэдклифф-Браун в 1923 г. писал: «Сможем ли мы заглянуть вперед во времена, когда достоверное познание законов общественного развития, давая знание о социальных силах – материальных и духовных – и средства их контроля, позволит нам достигнуть практических результатов огромного значения?» И тут же добавлял: «Я верю в это, это должно быть верой социального антрополога»⁶. Прикладные исследования проводились учениками Малиновского и Рэдклифф-Брауна преимущественно в связи с колониальными интересами Великобритании: научное обеспечение политики «косвенного управления»; преподавание на курсах подготовки колониальных чиновников; служба в должности «правительственного антрополога» в администрации ряда колоний, а также при штабах армейских формирований в годы второй мировой войны.

В 1931 г. система косвенного управления была принята обеими палатами парламента и вплоть до 1947 г. служила основой официальной политики Великобритании на Африканском континенте и в ряде других районов. Основными принципами этой политики были: 1) сохранение, а в некоторых случаях и реставрация традиционных институтов власти, налогообложения, судопроизводства подконтрольных народов; 2) проведение колониальных мероприятий средствами этих институтов⁷.

Роль антропологов в становлении системы косвенного управления современникам представлялась весьма значительной, ибо колониальная практика к 1930-м годам накопила немало случаев, когда грубые и некомпетентные действия чиновников приводили к вооруженным конфликтам или к провалу спланированных в Лондоне акций. Широко известными примерами подобных действий были «война за Золотой трон ашанти» в 1900 г., восстание в юго-восточной провинции Нигерии в 1927–1930 гг. и многие другие⁸.

Антропологи располагали точной информацией о политической культуре многих колониальных народов, полученной в ходе длительных включенных наблюдений. Эта информация была востребована колониальным ведомством и сослужила свою роль в ведении тонкой игры по «встраиванию» традиционных институтов в систему колониальных отношений. Британская прикладная антропология получила в 20–50-х годах XX в. мощную финансовую и организационную поддержку правительства. Были созданы научно-исследовательские учреждения: Международный институт африкан-

ских языков и культур (1926), Институт Родса–Ливингстона в г. Ливингстон (1933), Этнологическая секция при правительстве Южно-Африканского Союза (1925) и др. Основной деятельностью этих учреждений было проведение прикладных исследований по заказу колониальных властей. М. Фортес писал об этом времени: «Различные колониальные правительства поощряли и всячески стимулировали серьезные антропологические исследования, которые иначе не были бы возможны. В 1939 г., а тем более в 1904 г., мы не могли и мечтать о таком потоке государственных субсидий... Это обязывает нас с тем большей благодарностью вспоминать о поддержке, которую оказывали в прошлом антропологическим исследованиям английские колониальные власти. Благодаря им английская антропология смогла сосредоточить свое внимание на практических вопросах, что стало ее характерной чертой»⁹.

Наиболее известными примерами прикладных исследований той поры были: антропологические изыскания в процессе деятельности в должности «правительственного антрополога» К. Мика, П. Тэлбота, Р. Рэтри в Нигерии¹⁰, Г. Кори – в Танганьике¹¹, Ф. Уильямса и Э. Чиннери – на Новой Гвинее¹²; И. Шапера долгое время изучал обычное право народа тсвана в Южной Африке¹³; М. Рид там же занимался проблемой трудовых миграций африканцев¹⁴; М. и Г. Вилсоны по заказу колониальной администрации Кении изучали возможности внедрения в хозяйство африканцев экспортных культур¹⁵; З. Надель в Нигерии изучал проблемы совершенствования «туземного» налогообложения и судопроизводства у народа нупе¹⁶; Л. Мейр, ставшая впоследствии одним из ведущих теоретиков прикладной антропологии и много лет преподававшая этот предмет, работала над проблемой взаимодействия традиционных институтов власти народа ганда с колониальной администрацией¹⁷; М. Фортес неоднократно поставлял информацию о брачном праве и организации власти народа талленси для администрации колонии Золотой Берег¹⁸; Ф. Каббери по заказу Министерства колоний несколько лет изучала экономическое положение женщин в Британском Камеруне¹⁹; Я. Хогбин, Р. Фёрс, А. Элькин неоднократно выполняли заказы колониальных ведомств в Океании²⁰.

В Голландии этнология всегда была тесно связана с колониальными интересами. С 1920-х годов «...подготовка кадетов для колониальной гражданской службы и для колониальной юридической службы была сосредоточена в Лейденском университете (а позже также в Утрехте). Этнология Индонезии была ведущим предметом в курсе этой подготовки. Как результат, все гражданские служащие и юристы в Индиях получили научную подготовку по этнологии и по обычному праву»²¹.

По мнению П. Клооса, «антропологическая работа в Индонезии проводилась не только антропологами, но также квалифицированными гражданскими служащими, которые были, конечно же, гораздо более многочисленными (фактически не так много исследований вообще было проведено "чистыми" антропологами). Антропология была не только "чистой наукой", но стала не в меньшей мере прикладной наукой»²².

Прикладное значение порой придавалось даже музейным коллекциям, собранным этнологами в колониях. Показательно суждение одного из колониальных деятелей Бельгии барона Альфонса де Холлевиля, высказанное им в начале XX в.: «Музей Бельгийского Конго имеет и еще одно предназначение: он может быть инструментом пропаганды колониальных идей. Представленные в соответствии с научными фактами, его коллекции будут апеллировать к разуму и, в то же самое время, привлекательно и объективно демонстрируя результаты, полученные благодаря гению и энергии нашей расы, они затронут сердца, вызовут благородный энтузиазм и высокие эмоции»²³.

В США прикладные антропологические исследования эпизодически проводились в связи с решением «индейского вопроса» еще с конца XIX в. Однако резко негативное отношение одного из основоположников американской культурной антропологии Ф. Боаса к любому сотрудничеству антропологов с властными структурами сдерживало это направление деятельности. В частности, в начале XX в. он поместил в журнале «Нэйшн» статью под выразительным названием «Ученые в роли шпионов», в которой писал: «Некоторые, профессионально занимающиеся наукой (включая, "по меньшей

мере, четырех, занимающихся антропологическими исследованиями")... протитируют науку, используя ее как прикрытие собственной шпионской деятельности»²⁴.

В годы второй мировой войны на волне массового патриотизма американцев прикладные исследования получили небывалый размах. В специально созданных научных подразделениях Пентагона работали сотни ученых, среди которых не последнее место занимали антропологи психологической ориентации. Известный психолог и антрополог Дж. Хонигман писал, что в годы войны «... антропологи и психологи покинули академические аудитории для того, чтобы войти в правительственные учреждения, где они получили возможность использовать свои знания для совершенствования американской военной машины. Исследования культуры и личности имели важное значение в развитии этой машины... Мы имеем в виду развитие новой военной техники, техники психологической войны»²⁵.

Работа американских антропологов 1939–1945 гг. сводилась преимущественно к созданию особых средств пропаганды – отталкивающих и бесчеловечных «образов врага» на основе «научной» обработки обычаев и других элементов культур «народов-противников». Таких «образов» (в научной литературе они известны как «конфигурационная личность», «модальная личность», «базовая личность», «национальный характер», «культурный характер» и др.) было создано множество. Один из них, посвященный национальному характеру японцев, представлен в спецматериалах предназначенных для Пентагона, Р. Бенедикт. После войны она переработала эти материалы в талантливую полубеллетристическую книгу «Хризантема и меч»²⁶. Направление «Исследование культуры и личности» продолжалось и в серии послевоенных работ (1945–1953) под руководством Р. Бенедикт и М. Мид, в ходе которых 120 ученых создали культурно-психологические портреты 16 национальностей²⁷. Примечательно, что среди этих «портретов» была и модель «профиля великорусской личности», разработанная группой исследователей под руководством А. Инкелеса на основе 51 индивида из лагерей перемещенных лиц, из которых 34 человека сотрудничали с нацистами, а остальные были насильственно вывезены в Германию в детском возрасте. Результат этого исследования стал одним из инструментов ведения холодной войны, повлияв (а отчасти и до сих пор влияя) на формирование антирусских настроений в массовом сознании американцев. Основой русского характера, по Инкелесу, являются тенденция к зависимости, страх, недостаточно развитая способность к самоконтролю, склонность к пассивности и депрессивным состояниям²⁸.

После второй мировой войны США стали абсолютным лидером Западного мира. Вся планета представляла собой зону их интересов, американцы взяли на себя роль главной силы, стремящейся влиять на политические, экономические и культурные процессы в так называемом третьем мире. На этом фоне американская антропология вышла за пределы преимущественного изучения североамериканских индейцев и начала интенсивно осваивать Африку, Азию, Латинскую Америку и Океанию, вытесняя недавних лидеров – британскую социальную антропологию и французскую этнологию. Очень многие из послевоенных исследовательских проектов американских антропологов имели ярко выраженный прикладной характер, находясь под эгидой различных правительственных структур. Проекты эти, как правило, осуществлялись в русле официальной политики «содействия социальным изменениям и развитию» отсталых стран. Об этом, в частности, свидетельствует проведение в 1958 г. на правительственном уровне совещания в Вашингтоне, посвященного «планированию социальных изменений» и роли антропологов в нем²⁹. Весьма показательна в этой связи книга под названием «Введение социальных изменений. Руководство для американцев в заокеанских странах», написанная известными учеными К.М. Арнсбергом и А. Ниехоффом³⁰.

Американские антропологи и их коллеги из Западной Европы, привлеченные выгодными условиями финансирования, принимали участие в прикладных исследованиях, инициируемых различными правительственными инстанциями – от Конгресса, Пентагона, ФБР и ЦРУ до департаментов экономики, промышленности, медицины и образования. Примерами подобных долгосрочных проектов могут служить: «Северо-

американский конгресс по Латинской Америке» (NACLA), который на рубеже 60–70-х годов XX в. координировал изучение проблемы влияния США на политические структуры стран Латинской Америки; группа ученых, издающая «Бюллетень ученых, связанных с Азией», которая координировала ряд проектов в русле «Программы содействия вьетнамской войне»; «Исследовательская группа по Африке», которая, в частности, в 1970 г. опубликовала обширный аналитический доклад «Африканские исследования в Америке: Большая семья (Анализ племен африканистами Соединенных Штатов: Кто они? Зачем бороться с ними?)»³¹.

В рассматриваемый период проблемы прикладной антропологии получали освещение в ряде специальных изданий, среди которых заметное место занимал журнал «Прикладная антропология», начавший выходить в 1941 г. Мировоззренческие основания прикладных исследований той поры отличались грубой прямолинейностью, свойственной позитивистской доктрине. Они могут быть условно сведены к следующим постулатам: если научная теория истинна, то она одновременно является и прикладной; прикладная антропология – это: предоставление учеными объективных знаний практическим деятелям (вариант 1); подготовка учеными рекомендаций, предназначенных для выполнения практическими деятелями (вариант 2); непосредственное участие антропологов в практической деятельности (вариант 3). Иными словами, грань между наукой и социальной практикой стирается за счет веры во всемогущество научного знания и растворения в нем (по крайней мере в перспективе) любого другого знания. Морально-этические аспекты антропологического знания специальному анализу практически не подвергались на том основании, что подлинная наука может быть либо объективной, либо необъективной, а поэтому в принципе не может принимать этических оценок.

Моральный и интеллектуальный кризис западной антропологии 1960–1970-х годов

В послевоенные годы наивные постулаты позитивистской прикладной антропологии подверглись пересмотру. В британской социальной антропологии негативное отношение к ним было вызвано кризисом колониальной империи и в особенности крахом политики «косвенного управления». Эта политика была изначально обречена на провал, так как в ней ставка делалась на реставрацию и консервацию доколониальных институтов, а экономические интересы Великобритании автоматически вызывали к жизни в колониальном обществе принципиально иные социальные категории – предпринимателей, торговцев, интеллигенцию и др. Эти силы входили в непримиримое противоречие с квазитрадиционалистскими вождями, жрецами, общинными порядками. Иными словами, англичане сами разрушали то, что декларировали и при помощи антропологов пытались создать. Итогом такого разрушения стала полная отмена политики косвенного управления в 1947 г.

Моральным шоком для антропологов была реакция на их деятельность со стороны молодой африканской интеллигенции. З. Надель вспоминал, какой неожиданностью был для него разговор в середине 1940-х годов со своими африканскими студентами. «Юношеский энтузиазм и сильная приверженность идеям косвенного управления», которые, по его убеждениям, были направлены на сохранение самобытности африканских культур, подверглись яростному нападению. Африканские коллеги обвинили лично его и всю британскую социальную антропологию в том, что «она играет на руку реакционным администраторам и дает научную санкцию политике, предназначенной для того, чтобы сдерживать развитие африканцев»³². Мало кто из британских антропологов избежал подобных ситуаций.

Своеобразным символом отношения к британским социальным антропологам со стороны «объекта» их прикладных штудий может служить картина, висевшая в приемной президента независимой Ганы Нквеме Нкрума. На этой картине, по описанию Й. Галтунга, изображен сам Нквеме Нкрума, разрывающий цепи колониализма. Земля

содрогается от мощных вулканических толчков, небо перечеркнуто зигзагами молний, вдаль убегают три человеческие фигурки, позы которых говорят о паническом ужасе, – это английский капиталист с портфелем, миссионер с библией и человек, зажимающий под мышкой книгу, озаглавленную «Африканские политические системы». Последний, без всякого сомнения, социальный антрополог, а книга – итог одного из самых фундаментальных проектов британских антропологов, опубликованный в 1940 г.³³

Непосредственное участие американских антропологов в разработке принципов ведения «психологической войны», в практических мероприятиях этой войны, а также в ряде исследований, связанных с политическими и идеологическими акциями американского правительства, получило негативную оценку общественности, да и многих представителей этой дисциплины. В частности, Г. Хэйзер пишет по этому поводу: «...я знал некоторых исследователей из области социальных наук, изучающих крестьянские общества, которые были чрезвычайно удивлены а, порой, обескуражены, когда в 1967 г. газета "Нью Йорк Таймс" ...опубликовала список исследователей и фондов, которые прямо или косвенно финансировались ЦРУ, в особенности обнаружив в этом списке свои фамилии или фамилии своих спонсоров. Некоторые пребывали в искреннем неведении о самой возможности подобного и оказались в состоянии душевного кризиса»³⁴.

Серьезными общественными скандалами закончились прикладные исследования антропологов, связанные с военными операциями и карательными акциями против народов Вьетнама, Камбоджи, Таиланда. В частности, негативную оценку получил тот факт, что известный американский антрополог Л. Дюпре «совмещал» научные изыскания с обязанностями главы американской разведывательной сети в Афганистане³⁵. Символом научного аморализма стал исследовательский проект «Камелот», посвященный изучению культур Латинской Америки, руководители которого были связаны с ЦРУ. Результатом огласки стала высылка ряда антропологов из латиноамериканских стран. Подобным же скандалом закончился один из прикладных исследовательских проектов, проводимых в пригималайских территориях Индии: обнаружение факта его финансирования Пентагоном привело к сворачиванию исследований³⁶.

Особое значение в это время получила проблема моральной ответственности антропологов перед объектом своих прикладных исследований. К чести научного сообщества западных антропологов, оно не отвернулось от этой проблемы, как это бывало раньше. В 1969 г. Американская антропологическая ассоциация (ААА) учредила постоянный Комитет по этике, а в начале 1970-х годов она утвердила «Кодекс профессиональной этики антрополога» и приняла резолюцию, осуждающую политику США во Вьетнаме³⁷. Появилось большое число публикаций по проблеме моральной ответственности антропологов перед изучаемыми обществами. Одна из главных тенденций в научных дискуссиях этого времени – стремление противопоставить «чистую» науку прикладным исследованиям и осмыслить специфику того и другого. Антропологический цех раскололся на ряд течений. Одни настаивали на общественной полезности антропологии и необходимости взаимодействия антропологов с обществом и его институтами. Выразилась эта позиция по-разному. К примеру, С. Даймонд, в искренности гуманистических взглядов которого можно не сомневаться, подчеркивал оправданность старого тезиса Э. Тайлора о том, что антропология – это наука реформаторов, утверждал, что она является детищем Просвещения и призвана способствовать преобразованию общественных отношений на началах разума, свободы и справедливости³⁸. Что же касается традиционного исследовательского объекта антропологии – «примитивных обществ», то последние, по его мнению, самостоятельно не могут ни себя осознать, ни устоять в условиях экспансии европейской цивилизации. «Мы (антропологи. – А.Н.) говорим за общества, которые не могут о себе говорить сами... мы – охранители, а не разрушители. Мы являемся специалистами по традиции в век, который все более становится лишенным традиции»³⁹.

Общественно значимой, по Даймонду, является и такая задача антропологии, как использование информации о «примитивных обществах» для познания сущности западных обществ, критики и совершенствования последних, так как «антропологи часто отмечают, что более или менее примитивные народы, с которыми они встречаются в поле, бывают гораздо более гуманными, чем те, к которым они сами принадлежат»⁴⁰.

Таким образом, по Даймонду, «революционная дисциплина» антропология несет в самой себе этическую санкцию на изучение и интерпретацию «дикарей», полученную от рождения в эпоху Просвещения и освященную авторитетом таких мыслителей, как Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и др. В сущности приведенные примеры просвещенческой, гуманистической риторики практически ничем не отличаются от заявлений творцов и идеологов колониальной политики косвенного управления Ф. Лугарда, М. Пёрем и др.⁴¹ В частности, в программных документах Международного института африканских языков и культур, созданного в основном на деньги колониальных ведомств с целью проведения прикладных изысканий для них, прямо указывается, что его главной задачей являются «исследования, имеющие целью внести вклад в **просвещенную** (подчеркнуто мной. – А.Н.) политику»⁴². Определенный корпус гуманистических и просвещенческих положений почти всегда присутствовал, да и до сих пор нередко встречается в обосновании любого исследовательского проекта западных антропологов, связанного с практическим использованием его результатов.

В 1960-х годах в западной антропологии сформировалось течение, представители которого заняли жесткую позицию, выступив против использования научных изысканий в интересах власти имущих. Различные варианты этого течения получили наименования «антропология протеста», «сочувствующая антропология», «антропологическая адвокатура», «освободительная антропология» и т.п. Их суть, обобщенно говоря, может быть сведена к поискам союза с теми, кто подвергается эксплуатации, угнетению и манипулированию со стороны власти имущих и оплачиваемых ими научных учреждений.

Социально-политическую ситуацию, в которой оказалась антропология, К. Леви-Строс определил как «эру насилия», ставшую «следствием исторического процесса, приведшего большую часть человечества в подчинение меньшей его части, в течение которого у миллионов человеческих существ были отняты материальные ресурсы, а их учреждения и верования разрушены, сами же они безжалостно уничтожались, порабощались и обрекались на болезни»⁴³.

Д. Льюис обвинила западных антропологов в том, что те, выступая представителями господствующих государств, пользовались материальными и политическими преимуществами и поэтому являются участниками угнетения⁴⁴. И. Галтунг усмотрел определенное сходство «научной эксплуатации» с экономической эксплуатацией колоний европейцами и квалифицировал ее как «научный колониализм» – «процесс, в котором центр тяжести полученных знаний о нации находится за пределами самой нации», основным же аспектом этого процесса является «идея неограниченного права получать информацию любого рода, так же как колониальные власти уверены в своем праве налагать руку на любые богатства зависимой территории»⁴⁵. Дж. Халдейн прямо утверждает, что «Современная культурная антропология – побочный продукт колониализма. Она представляет собой описания поведения представителей иных культурных групп, сделанные в абсолютном своем большинстве людьми европейского происхождения, занимающими доминирующее положение, обусловленное обладанием более совершенным вооружением»⁴⁶. Г. Гессинг отмечает, что «... наука не может существовать без денег, и даже специалисты в области общественных наук нуждаются в средствах для своих исследований... Учреждения, частные или общественные, финансирующие исследования, склонны поддерживать проекты, которые находятся в согласии с существующими социокультурными ценностями. Эта предвзятость в состоянии повлиять как на постановку исследовательских задач, так и на их решение. Ученые вдохновляются не только стремлением расширить сумму знаний, но

также, не в последнюю очередь, желанием преуспеть в своей собственной карьере. И вполне понятно, что они не выбирают исследовательские проблемы, которые, как они знают, не получат дальнейших ассигнований либо нанесут урон престижу профессии или им самим в глазах финансирующих науку учреждений»⁴⁷.

Признание отмеченных обстоятельств заставило многих антропологов по-новому взглянуть на некоторые аспекты научного познания, среди которых на первый план вышли проблемы объективности–субъективности в антропологических исследованиях и моральной ответственности ученого. Ряд антропологов решительно отвергли позицию неангажированного, чистого, объективного знания. Эта позиция в дискуссиях метафорически обозначалась образом «башни из слоновой кости», которая призвана защитить щепетильных ученых от научного аморализма, который, опять-таки метафорически, с легкой руки А. Гоулднера⁴⁸, выражался образом Минотавра – чудовищного соединения человека и быка. По этому поводу Г. Берреман писал: «Многие из тех, кто аплодирует ликвидации проекта "Камелот" и осуждает связи с ЦРУ, стремятся, тем не менее, не убить и не изгнать Минотавра, но просто видоизменить его – создать *истинно* свободную от оценок социальную науку. Они стремятся к невозможному: стать исследователями человека, которые не соприкасаются с людьми и никак не связаны с людьми. Такая башня из слоновой кости – как раз то место, где родился старый Минотавр. А желание избежать ответственности – это как раз то, что ее порождает и ведет к разрушительным последствиям. "Камелот", проект "Агиле" и другие извращения концепции свободной от оценок науки являются подтверждениями истинности высказывания Вильгельма о том, что "этическая нейтральность – это внешняя оболочка безответственности"»⁴⁹.

В рассматриваемый период еще недавно казавшаяся самоочевидной и бесспорной для любой науки установка на объективность исследований была поставлена многими учеными под серьезное сомнение. Бельгийско-французский антрополог-африканист Ж. Маке признал несостоятельность и натянутость обвинений своих коллег в сознательном и злонамеренном соучастии в преступлениях колониальных режимов в Африке. Признал он и искренность гуманистических и просветительских мотивов научной деятельности большинства из них⁵⁰. В то же время он заявил, что объективность их трудов весьма относительна, так как исследовательская позиция антропологов-европейцев отличается изначальной предвзятостью: «Совершенно очевидно, что антрополог воспринимает социальное явление, им изучаемое, не из "ниоткуда", но с определенной точки зрения, которой и является его ситуация существования (existential situation)⁵¹. Для того чтобы определить антропологическое исследование, недостаточно указать его объект, к примеру – "социальная структура маданг", здесь необходимо добавить – "рассмотренная антропологом, принадлежащим по своему социально-экономическому статусу к среднему уровню господствующего белого меньшинства колонии"»⁵².

Некоторые из антропологов в это время даже само стремление к объективности трактовали как одно из выражений научного аморализма, так как последовательная объективация человека, культуры, общества превращает их в *объект* и только, подобно стае животных для зоолога, агрегату материальных тел для физика и т.п. Она предполагает максимально полное отчуждение от изучаемого, фундаментальное отделение человеческих свойств исследователя от мира наблюдаемой культуры. По этому поводу британский антрополог П. Уорсли заметил, что как для колонизатора, так и для отчужденного наблюдателя-антрополога стремление к максимальной объективации означает стремление к деперсонализации и обесцениванию индивидуальности представителей изучаемого народа⁵³.

«Если антрополог, – пишет Д. Льюис, – играл роль колонизатора часто помимо своей воли, то позицию чужака (outsider) он занял вполне сознательно»⁵⁴. Эта позиция, по мнению К. Леви-Строса, глубоко аморальна. «Человеку цивилизованного общества, – пишет он, – нельзя простить одно неискупимое преступление: постоянно или временно он стал считать себя высшим существом и рассматривать других людей

(делалось это во имя расы, культуры, победы, миссии или просто ради удобства) как объекты»⁵⁵.

В какой-то степени среди антропологов в рассматриваемый период распространилась установка на сознательный субъективизм в исследованиях, которая нередко рассматривалась как предпосылка и условие решения проблемы ответственности ученого. Радикально настроенные антропологи пришли к выводу, что ответственность ученого в сфере социальных наук – это не только и даже не столько его ответственность перед академическим цехом с его критериями истины и объективности, перед своим государством с его корпоративными интересами и европейской цивилизацией с ее специфическими критериями прогресса и гуманизма, сколько перед изучаемым народом или в крайнем случае перед человечеством⁵⁶.

Были в западной антропологии рассматриваемого периода и попытки компромиссного решения обсуждаемых проблем. Одна из наиболее известных – концепция С. Тэкса, получившая название «антропологии действия» (action anthropology). Тэкс попытался совместить ценности научной истины и объективности с ценностями моральной и социальной ответственности антрополога. В основе его концепции лежат три «операциональные ценности»: «*Первая* – это ценность истины. Мы являемся антропологами в традициях науки и научности... Мы хотим остаться антропологами, а не стать пропагандистами; мы предпочитаем быть правыми по канонам реальности, а не в стремлении достичь успеха в практическом плане. Но мы также чувствуем себя обязанными провозглашать нашу истину против любой лжи, какой бы она ни была – сфабрикованной, психологически или мифологически обусловленной...

Вторая... – ценность свободы... Свобода в нашем случае обычно означает свободу индивидов избирать группу идентификации и свободу избирать собственный образ жизни... мы отстраняемся, насколько это возможно, от позиции власти или неуместного воздействия. Мы знаем, что знание – это власть, и мы всеми силами стараемся отказаться от власти, которую нам дает знание. Возможно, это противоречит функционированию прикладной науки?... Таким образом, мы постоянно находимся в поисках нового знания, но не его приложения.

Итак, наша ценность свободы частично является этической, а частично – путем постижения истины...

Третья ценность – ... это разновидность Закона экономии усилий, который предписывает нам не ставить вопрос о ценностях, если они нас не касаются. ... Некоторые из нас были за, а некоторые против ассимиляции индейцев; какой необычайно счастливый момент наступил для нас тогда, когда мы осознали, что это были варианты не того приговора, который нам нужно было вынести или не те решения, которые нам нужно было принимать. Это было делом народов, которых это касалось, а не нашим»⁵⁷ (курсив мой. – А.Н.).

Бурное обсуждение в 60–70-х годах XX в. проблем моральной ответственности и приложимости антропологических знаний не привело к окончательному решению ни одной из них. Очевидно, проблемы моральной ответственности ученых, как и вообще философские проблемы этики, не имеют общего рационального или волевого решения – они решаются в каждом конкретном случае, то, что называется «здесь и сейчас». Дискуссия в 1980-х годах выдохлась, продемонстрировав наивность и «неоперациональность» старых постулатов эпохи Просвещения в условиях XX в.; опасную для науки разрушительность радикальных левацких установок на непримиримую борьбу с «угнетателями» и эклектическую беспомощность компромиссных концепций, стремящихся соединить несоединимое. Краеугольный камень дискутируемых вопросов – изучаемый (угнетаемый, освобождающийся, манипулируемый, развивающийся и т.п.) народ (расовая группа, культурное, сексуальное или этническое меньшинство) – в эпоху деколонизации на глазах исследователей стремительно утрачивал определенность, необходимую для морально-этических выводов. «Объект» сам по себе оказался слишком сложным социальным миром, раздираемым своими собственными, в том числе и этическими, проблемами.

Антропологи нередко сталкивались с ситуациями, когда от лица народа выступают новые местные элиты, которые «...также обвиняют западных социальных ученых в "академическом колониализме", хотя сами часто являются разновидностью паразитов по отношению к большинству своих соотечественников. Понятие "внутренний колониализм" было введено в Латинской Америке для фиксации этой проблемы (термин был введен мексиканскими социологами Пабло Гонсалесом Казанова и Родольфо Ставенхагеном). Часто влиятельные группы в неразвитых странах являются более или менее прямыми соучастниками Западных интересов»⁵⁸. Не менее часто исследуемый народ выражает осознанное нежелание быть объектом «сочувствующей антропологии». Так, «...на собрании в Западной Сицилии присутствующие на нем крестьяне грубо отказались собираться впредь, когда Данило Дольчи, руководитель регионального проекта изучения и развития, частью которого было это собрание, предложил записать на магнитофон ход обсуждения. Их аргументы: "мы не хотим, чтобы он написал еще одну книгу или статью, показывающую всему миру, как мы отстали и глупы". В предыдущие годы Дольчи широко публиковал данные об отсталости и бедности Западной Сицилии, в результате чего и был инициирован проект»⁵⁹.

Одним из следствий кризиса стало стремление прикладных антропологов включить в число объектов изучения субкультуры «своих», т.е. индустриальных, обществ (из-за неприязни к антропологам поле исследований в странах «третьего мира» сузилось).

Прикладные исследования в западной антропологии и постмодернизм (1970–1990-е годы)

Широкое интеллектуальное движение постмодернизма, получившее распространение с 1970-х годов и затронувшее практически все гуманитарные и социальные науки, не обошло стороной и социальную/культурную антропологию Запада. Для прикладных исследований оказались существенными такие общие постулаты постмодернизма, как негативное отношение к господству широкомасштабных политических и идеологических структур (антиимпериализм, антитоталитаризм); интерес к внерациональному и внелогическому; стремление к стиранию грани между искусством и повседневной жизнью, между научным и обыденным сознанием; отказ от абсолютизации объективности в науке и от веры в универсальный прогресс; утверждение прав малых и локальных культур, субъективного понимания, внеструктурного (постструктурализм), традиционного (неотрадиционализм)⁶⁰.

Принятие этих постулатов как бы полностью упраздняет прикладную, или практическую, антропологию в классическом значении «социальной инженерии». В этой связи уместно привести интересную мысль Ю. Хабермаса: «Расхождение науки, морали и искусства – признак рационалистичности западной культуры, по Максиму Веберу, – означает одновременно автономизацию обрабатываемых специалистами секторов и их выпадение из потока традиции, естественным образом продолжающегося в герменевтике повседневной практики... (все это. – А.Н.) породило попытки... "снять", упразднить культуру экспертов»⁶¹.

Антропологию и в особенности ее основу – этнографию – в условиях постмодерна ряд современных теоретиков склонны трактовать как шанс возвращения к целостному миру из расколотого и отчужденного его состояния. С. Тайлер в статье «Этнография постмодерна: от документа об оккультном к оккультному документу» утверждает: «Не будучи ни одним из направлений поиска универсального знания, ни орудием подавления или освобождения народов, ни еще одной разновидностью дискурса наряду с наукой и политикой, этнография есть нечто другое, она есть дискурс высшего порядка, относительно которого должны быть рассматриваемы все остальные дискурсы и в котором они находят свой смысл и оправдание»⁶².

Вместе с тем приведенные постулаты постмодернизма парадоксальным образом

заставляют усматривать во всем современном социальном познании, а не только в особой «прикладной» субдисциплине практическое прикладное значение, правда, в совсем ином смысле, который вытекает из суждения Ж. Дерриды о социокультурном пространстве: «нет ничего кроме текста»⁶³ или из связанного с ним тезиса Ж. Делёза: «все в конечном счете есть политика»⁶⁴. В условиях стремительно растущей роли средств массовой информации во все более едином информационном мире постмодерна любой опубликованный текст антропологов оказывается «работающим» в дискурсивном пространстве, объективно влияя на действия людей, а порой и создавая новые их группировки. «Этнография постмодерна есть коллективно слагаемый текст, – утверждает С. Тайлер, – состоящий из фрагментов дискурса, назначение которого – пробуждать в умах как читателя, так и писателя эмерджентную фантазию о возможном мире реальности здравого смысла и тем самым вызывать эстетическую интеграцию, которая бы оказывала терапевтическое действие»⁶⁵. Роль антропологического текста в современном мире изначально многомерна и противоречива. Попадая в контекст политических, идеологических и этнокультурных противостояний, он может интерпретироваться в прямо противоположных смыслах и соответственно «работать» за или против разных ценностных систем. Отражением такого парадокса может служить нашумевшая в свое время монография англо-американского профессора палестинского происхождения Э. Саида «Ориентализм», в которой он не без оснований обвинил европейских востоковедов и антропологов в том, что они на протяжении веков создавали искаженные, абстрактные, внеисторические, «фантастически унифицированные» образы народов и культур Востока⁶⁶. Даже в трудах XX в., нередко отмеченных искренней симпатией к самобытным ценностям Востока, он усматривает «использование» восточного материала для решения сугубо европейских проблем. Создание некоей контрастной по отношению к Европе культурной модели служило либо для утверждения западных буржуазных ценностей – свободы совести, индивидуализма, рационализма и т.п., либо для критики этих же ценностей в кризисные периоды, но почти никогда не определялось действительными, а не вымышленными интересами и локальной спецификой восточных народов⁶⁷.

Отражение постмодернистского понимания роли текста в потоке жизни – популярное в современной антропологии высказывание «авторство есть власть» (игра смыслов в слове *authority*, означающем и специалиста-автора, и власть). Если мы рассмотрим роль этнографических текстов в нашей стране, то увидим, что простое на первый взгляд авторское движение – наименование этнографического объекта – всегда имело властный аспект. Одни народы в СССР именовались нациями, другие – народностями, этническими группами, национальными меньшинствами. За каждым из этих названий явно или косвенно подразумевался определенный статус с набором прав, привилегий или полным отсутствием таковых. Некоторые народы вообще были лишены своего «этнографического наименования» – например, крымские татары, чулымцы, ваханцы, шугнанцы и др.⁶⁸

В период «парада суверенитетов» тексты этнологов, их риторика и заложенный в них волевой (властный) потенциал через средства массовой информации мощно воздействовали на сознание народов, нередко мобилизуя их на те или иные действия.

Осознание этих и иных аспектов своего ремесла побудило многих антропологов, чувствительных к морально-этической стороне текстотворчества, уходить от традиционно «привилегированной» позиции автора по отношению к объекту описания и к читателю. «Возникает необходимость говорить об этнографии не как об опыте и интерпретации некоей заданной "другой" реальности, а как о конструктивном переговорном процессе, в котором участвуют, по меньшей мере, двое, а обычно и большее число сознательных, политически значимых субъектов. Парадигмы опыта и интерпретации уступают место дискурсивным парадигмам диалога и полифонии»⁶⁹. Для реализации этой установки в критически ориентированной западной антропологии вырабатываются особые жанры, лозунгом которых выступает тезис: «Туземцы не в меньшей степени способны представлять свою культуру, чем антропологи»⁷⁰. Еще в

1960-х годах в этом направлении работали представители так называемых этнонауки (С. Тайлер, Дж. Спрэдли) и этнометодологии (Г. Гарфинкель, К. Лейтер, М. Линч)⁷¹. С легкой руки Джона ван Маанена эти жанры получили образное название «совместные повествования»⁷².

* * *

Более чем вековые попытки превратить антропологические исследования в особую прикладную дисциплину так и не увенчались успехом. Специальности «прикладной антрополог», насколько мне известно, так нигде и не появилось, хотя периодически в разных странах создавались должности, предназначенные для антропологов, – главным образом в государственных структурах, а в департаментах антропологии университетов Запады читались и читаются лекционные курсы по этому предмету. Многочисленные попытки теоретически обосновать специфику прикладной антропологии по сравнению с «чистой», академической антропологией так и не решили окончательно этой проблемы – граница между ними осталась весьма неопределенной. В западной антропологии бытует шутка: «От длительных и чистых (long-term and pure) исследований академической антропологии прикладные исследования отличаются тем, что они быстры и грязны (quick and dirty)». Многие «великие» заслуги прикладной антропологии, о которых повествуют учебники и юбилейные доклады, очень часто весьма преувеличены в угоду цеховому патриотизму. Так же преувеличены и многие «великие» грехи прикладных антропологов в обличительной публицистике некоторых авторов, склонных к левацкой или абстрактно гуманистической риторике.

Тем не менее прикладные антропологические исследования – это реальность сегодняшнего дня. Правда, ширококомасштабные политические и идеологические исследовательские проекты, инициируемые структурами власти становятся все менее привлекательными для антропологов; их внимание все больше концентрируется на частных вопросах по заказу образовательных, технических, медицинских и других организаций, причем предпочтение нередко отдается проектам, проводимым не национальными институтами своей страны, а международными организациями вроде ООН или ее подразделений. Примерами новых сфер, где находят себе применение прикладные антропологи, могут служить коммуникационные системы, социальная работа, местная администрация, образование (в особенности этнических меньшинств), различные виды бизнеса, маргинальные (наркоманы, проститутки, иммигрантские и цветные гетто в городах и т.п.) и молодежные субкультуры и даже полицейское дело⁷³.

Примечания

¹ Основные положения этой статьи были изложены в докладе, прочитанном на III Конгрессе этнографов и антропологов России в Москве 10 июня 1999 г.

² Грязнов Б.С. Учение о науке и ее развитии в философии О. Конта // Позитивизм и наука. М., 1975. С. 27.

³ Цит. по: Fortes M. Social Anthropology at Cambridge since 1900. London: Cambridge, 1953. P. 5.

⁴ Malinowski B. The Dynamics of Culture Change. An Inquiry into Race Relations in Africa. New Haven, 1946. P. 6.

⁵ Ibid. P. 5.

⁶ Radcliffe-Brown A.R. The Methods of Ethnology and Social Anthropology // Radcliffe-Brown A.R. Method in Social Anthropology. Bombay, 1973. P. 24.

⁷ Подробнее об этом см.: Никишенков А.А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.

⁸ См.: Applied Anthropology // Encyclopaedia Britannica. V. 1. L., 1963. P. 54; Зотова Ю.Н. Традиционные политические институты Нигерии (первая половина XX века). М., 1979. С. 46.

⁹ Fortes M. Op. cit. P. 4.

¹⁰ Kuper A. Anthropologists and Anthropology. The British School 1922–1972. Harmondsworth, 1978. P. 128.

¹¹ Ibid. P. 137.

- ¹² Elkin A.P. Williams – Government Anthropologist, Papua (1922–1943) // *Oceania*. 1943. V. XIV. № 2.
- ¹³ Shaper I. A Handbook of Tswana Law and Custom. Oxford, 1938.
- ¹⁴ Kuper A. Op. cit. P. 137.
- ¹⁵ Ibid. P. 138.
- ¹⁶ Nadel S.F. A Black Bysantium. L., 1942. P. 367–368.
- ¹⁷ Mair L. Studies in Applied Anthropology. L., 1957.
- ¹⁸ Kuper A. Op. cit. P. 133.
- ¹⁹ *Oceania*. 1944. V. XV. № 2. P. 167.
- ²⁰ Ibid. 1947. V. XVII. № 3. P. 270; *ibid.* 1950. V. XXI. № 2. P. 154.
- ²¹ Josselin de Jong P.E. Cultural Anthropology in the Netherlands // Higher Education and Research in the Netherlands. 1960. № 4. P. 3.
- ²² Kloos P. Anthropology and Non-Western Sociology in the Netherlands // *Current Anthropology in the Netherlands*. The Hague, 1975. P. 15.
- ²³ Haulleville A. de. Le Musee du Congo Belge a Tervuren. Bruxelles, 1910. Цит. по: Gjessing G. The Social Responsibility of the Social Scientists // *Current Anthropology*. 1968. V. 9. № 5. P. 398.
- ²⁴ Цит. по: Stocking G.W. The Parameters of a Paradigm: Franz Boas, the American Anthropological Association and the National Research Council // Paper Presented before the Colloquium of the Department of Anthropology, University of Chicago. 1966. April 18.
- ²⁵ Honigmann J. Culture and Personality. N. Y., 1954. P. 73–74.
- ²⁶ Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword. Boston, 1946.
- ²⁷ См.: Роуцин С.К. Личность в понимании культурной психологии или психологической антропологии // *Этнография за рубежом*. М., 1979. С. 29.
- ²⁸ Там же. С. 43.
- ²⁹ См.: Mead M. Applied Anthropology // *Some Uses of Anthropology, Theoretical and Applied*. N. Y., 1958; *The United States and Africa*. N. Y., 1958.
- ³⁰ Arensberg C.M., Niehoff A.N. *Introducing Social Change. A Manual for Americans Overseas*. Chicago, 1964.
- ³¹ См.: Huizer G. The A-social Role of Social Scientists in Underdeveloped Countries: Some Ethical Considerations // *Current Anthropology in The Netherlands*. Rotterdam, 1975. P. 64.
- ³² Nadel S.F. *Anthropology and Modern Life*. Canberra, 1953. P. 13.
- ³³ См.: Kuper A. Op. cit. P. 123.
- ³⁴ Huizer G. Op. cit. P. 64.
- ³⁵ См.: Тушков В.А. Введение. Этнология США: условия и тенденции развития // *Этнология в США и Канаде*. М., 1989. С. 6.
- ³⁶ Там же. С. 7.
- ³⁷ Там же. С. 6.
- ³⁸ Diamond S. A Revolutionary Discipline // *Current Anthropology*. 1964. V. 5. № 5. P. 432.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ См.: Perham M. *Native Administration in Nigeria*. L., 1937.
- ⁴² Цит. по: Mair L. *Studies in Applied Anthropology*. L., 1957. P. 11.
- ⁴³ Levi-Strauss C. Anthropology: Its Achievements and Future // *Current Anthropology*. 1966. V. 7. № 1. P. 126.
- ⁴⁴ Lewis D. Anthropology and Colonialism // *Current Anthropology*. 1973. V. 14. № 5. P. 582.
- ⁴⁵ Galtung J. After Camelot // *The Rise and Fall of Project Camelot*. Cambridge, 1967. P. 296, 300.
- ⁴⁶ Haldane J.B.S. The Arguments from Animals to Men: An Examination of its Validity for Anthropology // *J. Royal Anthropol. Institute*. 1956. V. 86. P. 126.
- ⁴⁷ Gjessing G. The Social Responsibility of the Social Scientists // *Current Anthropology*. 1968. V. 9. № 5. P. 399.
- ⁴⁸ См.: Gouldner A. Anti-Minotaur: The Myth of Value-free Sociology // *New Sociology*. N. Y., 1964. P. 196–217.
- ⁴⁹ Berreman G.D. Is Anthropology Alive? Social Responsibility in Social Anthropology // *Current Anthropology*. 1968. V. 9. № 5. P. 393.
- ⁵⁰ Maquet J. Objectivity in Anthropology // *Current Anthropology*. 1964. V. 5. № 1. P. 49.
- ⁵¹ Данное понятие не случайно, оно указывает на определенную связь позиции Ж. Маке с воззрениями на колониальный вопрос лидеров философского течения экзистенциализма, в частности Ж.-П. Сартра.
- ⁵² Maquet J. Op. cit. P. 51.
- ⁵³ См.: Lewis D. Op. cit. P. 585.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Левин-Строс К. Структурная антропология (сб. переводов). М., 1980. С. 53.
- ⁵⁶ См.: Lewis D. Op. cit. P. 591; Berreman G.D. Op. cit. P. 392; Gjessing G. Op. cit. P. 399.

- ⁵⁷ *Tax S.* Action Anthropology // *Current Anthropology*. 1975. V. 16. № 4. P. 516.
- ⁵⁸ *Huizer G.* Op. cit. P. 67.
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 66.
- ⁶⁰ См.: *Малахов В.С.* Постмодернизм // Современная западная философия. Словарь. М., 1991. С. 237-240; *Никифоров А.Л.* Постпозитивизм // Там же. С. 240-242; *Автономова Н.С.* Постструктурализм // Там же. С. 243-246.
- ⁶¹ *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // *Вопр. философии*. 1992. № 4. С. 46.
- ⁶² *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, 1986. P. 122.
- ⁶³ См.: *Сёрль Дж.Р.* Перевернутое слово // *Вопр. философии*. 1992. № 4. С. 64.
- ⁶⁴ См.: *Автономова Н.С.* Указ. раб. С. 244.
- ⁶⁵ *Writing Culture...* P. 126.
- ⁶⁶ *Said E.* Orientalism. N. Y., 1978. P. 2-3.
- ⁶⁷ См.: *Никишенков А.А.* Евразийство, ориентализм и социальная антропология // Наука о культуре и социальная практика: антропологическая перспектива. М., 1998. С. 77-78.
- ⁶⁸ Подробнее об этом см.: *Соколовский С.В.* Этнография как жанр и как власть (впечатления о современном положении дисциплины) // *Этнометодология. Проблемы, подходы, концепции*. Вып. 2. М., 1995.
- ⁶⁹ *Clifford J.* The Predicament of Culture: Twentieth Century Ethnography, Literature, and Art. Cambridge, 1988. P. 41.
- ⁷⁰ *Van Maanen J.* Tales of the Field. On Writing Ethnography. Chicago, 1988. P. 136-137.
- ⁷¹ *Tyler S.A.* Cognitive Anthropology. N. Y., 1969; *Spradly J.P.* The Ethnographic Interview. N. Y., 1979; *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, 1965; *Leiter K.* A Primer on Ethnomethodology. N. Y., 1980; *Lynch M.* Art and Artifact in Laboratory Science. Boston, 1985.
- ⁷² *Van Maanen J.* Op. cit. P. 136.
- ⁷³ *Ibid.* P. 24.

A.A. Nikishenkov. Applied research in Western social/cultural anthropology

The article considers main stages in the development of applied research in Western anthropology through the last 100 years, and traces how the attitudes of anthropologists of the U.S.A., Great Britain and other countries to applied studies have been changing from those of positivist scientism to the phenomenological and post-modernist orientations. The article raises the question of moral responsibility of anthropologists engaged in applied research.